

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XIII ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВАН СССР
(доклады и сообщения по арабистике)

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1978

ников и студентов Кафедры, ощущающих свою постоянную причастность к основным линиям арабистических и семитологических исследований в нашей стране.

К.Бойко

ВОСТОЧНЫЕ КОРНИ МОТИВА О ЗОЛОТОМ ПЕТУШКЕ В СКАЗКЕ А.С.ПУШКИНА

Тема Востока и его отображения в творчестве А.С.Пушкина не перестает привлекать внимание исследователей. Выяснение восточных корней и мотивов в сюжетных линиях и образах стихотворных произведений поэта в последние годы вновь легло в основу ряда работ¹. К числу произведений с восточными заимствованиями относятся и некоторые сказки поэта. Пожалуй, наибольший интерес в этом плане вызвала и вызывает "Сказка о царе Салтане". И в наше время продолжают выявляться восточные параллели или варианты данного сюжета, как показано на примерах из фольклора народов Востока и, в частности, Средней Азии.²

Восточное начало другой не менее известной сказки Пушкина — "Сказки о золотом петушке" — после того, как был выявлен ее непосредственный источник (об этом речь ниже), почему-то не вызвало к себе должного внимания литературоведов и фольклористов.

Определение первоисточника сюжетной линии и образов сказки — кропотливая работа. В этом сообщении мы затронем лишь мотив волшебной птицы — петушка и попытаемся определить один из путей, по которому сможет развиваться исследование.

В фольклоре некоторых народов Европы, Востока и Африки встречается образ птицы, которая предвещает что-либо или предупреждает о чем-либо.³ Известен в восточном фольклоре и петух, который извещает о приходе врага.^{3а}

В сказке Пушкина (созданной в 1834 г. и опубликованной в 1835 г.)⁴ мотив петушка навеян одним таким восточным фольклорным сюжетом, только взят он не прямо из самого источника, а из литературного произведения, в котором этот сюжет использован. Имеется в виду "Легенда об арабском астрологе" из книги новелл В.Ирвинга "Альгамбра", вышедшей в свет в 1832 г.⁵

Этот непосредственный источник сказки Пушкина установила А.Ахматова.⁶ Проведенное ею параллельное сличение текстов двух

произведений поэта – чернового наброска "Царь увидел пред собой столик с шахматной доскою" (относится к 1833 г.)⁷ и самой сказки, с одной стороны, с легендой об астрологе, с другой, показало близость, а местами совпадение фабулы у того и другого.⁸ Вывод Ахматовой относительно использования Пушкиным фабулы новеллы Ирвинга подкрепляется фактом наличия в его библиотеке двухтомного сборника "Альгамбра".⁹

В основу сказочных повестей Ирвинга из его "Альгамбры", несомненно, положены давние предания об испанских арабах ("маврах") с отголосками отдельных событий из многовековой эпопеи мусульманского владычества в ал-Андалусе и из истории Египта.

Источниками этих арабо-испанских повестей Ирвинга, насколько известно, никто до сих пор не занимался. Выявление некоторых из них могло бы привести к решению той же проблемы и для "Сказки о золотом петушке", поскольку сюжет ее, как известно, прямо зависит от "Легенды об арабском астрологе".

Из писем самого Ирвинга явствует, что источники эти были как устные, так и письменные. К первым относятся предания об Альгамбре его слуги и проводника Матео Хименеса, которые он записал.¹⁰ Ко вторым принадлежали многие старые испанские рукописные и печатные хроники и документы, которыми он пользовался в общественных и частных библиотеках и архивах Мадрида, Кордовы, Севильи, Гранады и других мест Испании.¹¹ Так как в высказываниях Ирвинга нет разъяснений, какие именно рассказы и предания легли в основу "Легенды об арабском астрологе" и откуда, например, заимствован мотив волшебной птицы, попробуем все же обратиться к самой новелле.

Могло бы показаться поначалу, что служащий чудесным талисманом петушок у Ирвинга – порождение мира арабо-испанской легенды. Но внимательное прочтение сказки об астрологе убеждает нас, что это не так. На это указывает ряд существенных моментов: 1) древний арабский астролог прибыл ко двору властителя Гранады из Египта; согласно легенде, он жил еще во времена Мухаммада и был сыном одного из сподвижников пророка; в Египет будущий астролог попал еще ребенком вместе с войском завоевателя страны 'Амра б. ал-'Аса и поселился там на долгие годы, изучая у египетских жрецов чернокнижие и магию; там ему удалось узнать секрет продления жизни, благодаря чему он жил более двух столетий; 2) гранадский эмир жалуется астрологу на соседей, вторгающихся в его пределы, на что тот говорит: "Знай, повелитель, что, находясь

в Египте, я лицезрел великое чудо, сотворенное некогда язычским жрицем. Над городом Бурса, на горе, откуда открывается вид на долину великого Нила, стоит баран и на нем петушок – оба из литой меди – и они вращаются на особой оси. Всякий раз, как стране угрожает нашествие, баран поворачивается в сторону неприятеля, а петушок кукарекает, благодаря чему жители города заранее знают об опасности и о том, откуда она приближается, так что могут своевременно принять необходимые меры".¹²

Таким образом, мотив волшебного петушка (как и барана), играющего роль талисмана, у Ирвинга связывается с Египтом. И другие талисманы, которые астролог создает в Испании для гранадского эмира, принадлежат также к искусству древней египетской магии. Так, для строительства башни с талисманами, возвещающими о нападении врага, он использует камни, привезенные из Египта и снятые будто бы с одной пирамиды. Более того, свое жилище мудреца он устраивает "в соответствии с тем, что он видел внутри пирамид и среди гигантских развалин Египта" – стены пещеры, в которой он поселился, были расписаны египетскими иероглифами, светильники заправлялись ароматическим маслом, приготовленным по рецепту, найденному им в гробницах Египта. Мы видим здесь, что сюжет легенды арабо-испанский, а реалии – иноземные, египетские.

В легенде с вымышленными мусульманскими персонажами и наличием элемента "сверхъестественного" такой акцент на Египте не случаен. Он отражает сложившийся в арабской литературе с раннего времени взгляд на древний Египет как родину ведовства и магии и соответственно на египтян, как на магов и чародеев. Он развился, с одной стороны, под влиянием библейских и коранических представлений, с другой стороны, под сильным воздействием коптского фольклора, влившегося в какой-то своей части в мусульманский фольклор Египта.

Рассказы о чудесах египетской магии сохранились во многих памятниках арабской средневековой письменности, от одного из самых ранних – исторического труда "Футух Миср" Ибн 'Абд ал-Хакама и до более поздних – "ал-Хитат" ал-Макризи и "Хусн ал-мухадара" ас-Су'йути. Очень полно древние местные предания о домусульманском Египте собраны в огромном своде ал-Макризи "ал-Хитат".¹³ Он изобилует рассказами о древних египтянах (коптах), по отзыву греков, самых искусных прорицателей и чародеях, которые создали знаменитые талисманы в виде говорящих и движущихся животных, птиц и людей и среди них – талисманы для защиты их родины от

врагов.¹⁴ Создание талисманов во многих городах и местностях страны обычно связывается с фараонами и легендарными царями, которые правили после них. Арабские авторы относят эти талисманы, вернее, рассказы о них, к категории "‘аджа’иб" ("дивовинки", "чудеса"). Среди них часто встречаются описания изображения птицы (символа магии древних египтян), как абстрактной (та’ир), так и конкретной – петуха (дик), гуся (ивазза), орла или грифа (‘уакб). Сделана она из золота (иногда с инкрустацией из драгоценных камней), меди, бронзы или каких-либо сплавов. Она всегда находится на возвышении (будь то золотой шар на куполе гробницы царя, городские ворота, колонна или столб из золота или меди, постамент из зеленого стекла и тому подобное) и охраняет город от чужеземцев и даже от диких зверей, а царские гробницы от тех, кто пытается овладеть спрятанными в них сокровищами. Хлопаньем крыльев и пронзительным криком птица возвещает об опасности или же, широко раскинув крылья, мешает проникнуть в сокровищницу.¹⁵

Традиция передачи "‘аджа’иб" о стерегущих птицах-талисманах у арабов достаточно давняя и прослеживается с VIII–IX вв. Один из самых ранних известных нам легендарных рассказов такого рода принадлежит египетскому факиху Ибн Букайру (153/770–231–32/845–47) и посвящен поискам сокровищ в одной из гробниц, которые ведет наместник страны ‘Абд ал-‘Азиз б. Марван. В качестве стража сокровищ там описан золотой петух (ад-дик мин аз-захаб) на золотом столбе. В момент опасности он приходит в движение, хлопает крыльями и издает удивительный по силе крик.¹⁶ Красочный мир подобных арабских диковинных рассказов, ведущих свое происхождение из Египта, и явился основой для мотива золотой птицы в "Легенде об арабском астрологе".

Через тысячу лет после Ибн Букайра фольклорный мотив петуха на оси и на спице повторили в своих произведениях В. Ирвинг и А. С. Пушкин, причем поражает сходство в изображении самого талисмана у египетского факиха и у русского поэта – и у того, и у другого действует один золотой петушок.

В связи с вопросом об источниках вернемся вновь к тексту "Легенды" и обратим внимание на один, казалось бы, незначительный штрих – написание имени завоевателя Египта – арабского полководца ‘Амра б. ал-‘Аса, который упомянут Ирвингом дважды и дважды он назван как Амру. Это написание, идущее от первого издания новелл на английском языке и от выпущенного в тот же год французского издания, которым пользовался А. С. Пушкин (см. выше, прим.

№ 6, 10), не является опечаткой или недоразумением. Оно точно воспроизводит существовавшую в европейской востоковедной литературе конца XVIII начала XIX вв. транскрипцию имени 'Амр - عمرو, согласно которой гласный звук "у" передавал конечный арабский "вав" ("Amrou" по-французски и латыни, "Amru" по-английски, "Amru" или "Amru" по-немецки). И здесь мы находим лишнее подтверждение того, что источник Ирвинга - книжный и относится к востоковедной литературе.¹⁷

Исходя из вышесказанного, следует констатировать, что мотив петушка в сказке Пушкина уходит своими корнями, через произведение Ирвинга, в глубь веков. Нити его тянутся в Египет, где волшебные сказки и предания имели давнюю традицию. Преемственность их передачи обеспечивала коптская среда, и не без воздействия этого фольклорного материала сложился у египетских арабов жанр рассказа о диковинках и чудесах.

Следует еще отметить, что арабская литературно-историческая традиция в Испании формировалась под воздействием мусульманской египетской традиции, о чем свидетельствует всеобщая история арабо-испанского автора первой половины IX в. 'Абд ал-Малика б.Хабоба, самый ранний памятник арабо-испанской письменности, который до нас дошел. В обработке и создании рассказов о завоевании ал-Андалуса, которые там заключены, приняли участие египетские знатоки предания из Фустата во главе с ал-Лайсом б.Са'дом и его учениками. С их рассказами и преданиями о магии древних египтян Европа познакомилась в XVIII-XIX вв. благодаря изданиям арабских текстов, их переводам и работам Ж.де Гиня, А.И.Сильвестра де Саси, Х.А.Хамакера, Ф.Вюстенфельда и других. И в нашем столетии в Египте бытует еще представление о коптах, как о магах и чародеях.¹⁸

¹ См., например, Д.И.Белкин, Индийские мотивы в творчестве А.С.Пушкина, Горький, 1970; Н.М.Лобикова, Пушкин и Восток. Очерки, М., 1974.

² См., например, И.М.Оранский, Еще один среднеазиатский вариант "Сказки о царе Салтане". - Семинар иранистов Ленинграда, Иранская филология, Краткое изложение докладов научной конференции, посвященной 60-летию проф.А.Н.Болдырева, М., 1969, с.69-72; Н.Н.Туманович, К среднеазиатским вариантам "Сказки о царе Салтане". - Там же, с.84-87; И.Н.Винников, Язык и фольклор бухарских

арабов, М., 1969, с. 43-52, 97-101.

3 S. Thompson, Motif-Index of Folk Literature, Revised and enlarged edition, vol. I, A-C, Bloomington, Indiana, 1955, p. 379, B 122.1.

За Ibid., B 122.7.

4 А.С. Пушкин, Полное собрание сочинений в десяти томах, изд. второе, т. IV. Поэмы. Сказки. М., 1957, с. 484-491.

5 The Alhambra, or the new Sketch-Book by Washington Irving, Paris, 1832. Вашингтон Ирвинг, Новеллы. Перев. с англ. А.С. Бобовича, М.-Л., 1947, с. 359-376.

6 А.Ахматова, Последняя сказка Пушкина, - "Звезда", № I, М.-Л., 1933, с. 161-176.

7 А.С. Пушкин, т. III, Стихотворения, 1827-1836, с. 269.

8 у Пушкина и Ирвинга имеются, правда, расхождения в том, что касается самого талисмана. Если у Ирвинга действуют бронзовые баран и петушок на нем, которые вращаются на оси, то у Пушкина выступает один золотой петушок на спице. Если у Ирвинга роль флюгера играет баран (поворачиваясь в сторону, откуда исходит опасность), а петушок кукарекает, то у Пушкина и то и другое выполняет петушок.

9 Во французском переводе, который вышел в свет одновременно с английским изданием; см. Б.Л. Модзалевский, Библиотека А.С. Пушкина, Спб., 1910, с. 256, № 1019.

10 The Life and Letters of Washington Irving. By his nephew, Pierre M. Irving, London, 1864, vol. II, p. 237. О М.Хименесе см. там же, с. 315, 324 (письма из Альгамбры за май-июнь 1829 г.).

11 The Life and Letters of Washington Irving, vol. II, p. 316, 320; Washington Irving and The Storrows. Letters from England and the Continent, 1821-1828, Ed. by Stanley T. Williams, Cambridge, Mass., 1933, p. 91, 107, 109, 123, 134, 136.

12 Вашингтон Ирвинг, Новеллы, с. 361.

13 ал-Макризи, Китаб ал-хитат ва-л-асар фи Миср ва-л-Кахира, чч. I-2, Булак, 1270.

14 Там же, ч. 2, с. 481; F. Wüstenfeld, Geschichte der Copten. Aus den Handschriften zu Gotha und Wien mit Übersetzung und Anmerkungen. Göttingen, 1845, S. 14, (а также с. 3 арабского текста).

15 ал-Макризи, *Китаб ал-хитат*, ч. I, с. 33, 129, 232-233, 234, 239.

16 Рассказ сохранился в передаче автора X в. ал-Маc'уди: Maçoudi, *Les prairies d'or. Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille*, v. II, Paris, 1863, p. 414-417. Рассказ Ибн Букайра цитирует также ал-Макризи - *Китаб ал-хитат*, ч. I, с. 40-41.

17 После того, как статья была закончена, мы обнаружили, наконец, источник мотива о золотом петушке в новелле В. Ирвинга. Это средневековый французский перевод одного арабо-египетского рукописного сборника рассказов о чудесах: *L'Egypte du Murtadi fils du Garhiphe, ou il est traité des Piramides, du débordement du Nil, et des autres merveilles de cette Province, selon les opinions et traditions des Arabes. De la traduction de M. Pierre Vattier...*, Paris, 1666, p. 13-16. Этому сюжету мы надеемся посвятить отдельную статью.

18 W. Vucichl, *Koptische Zauber geschichten, Der Zyklus von Sim'an Ed-Darawi, dem koptischen Dr. Faust.* - "Le Muséon", LXV, 1952, p. 291-301.

В. В. Лебедев

ОБ АРАБСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ И ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ ОДНОЙ ИЗ БАСЕН ЭЗОПА

Литературная судьба эзоповских басен на арабской почве обычно связывается с хорошо известным и многократно издававшимся сборником басен Лукмана.¹ Однако некоторые басни Эзопа не вошли в сборник басен Лукмана, но тем не менее завоевали популярность у арабов.

К числу таковых относится басня о дележе добычи между львом, волком и лисой, отражающая один из древнейших мировых фольклорных сюжетов. В басне Эзопа "Лев, осел и лисица" осел делит добычу (какую, не указано) на три равные части; разгневанный лев съедает осла.² Тот же сюжет получил широкое распространение у многих народов Запада и Востока.³